

15 СЕН 1968

Фельетон

К У К Л О В О Д Ы

И К У К Л О В О Д Ы

Не знаю, как будет дальше, но пока, то есть последние пять лет, история Московского областного театра кукол пишется главным образом участковыми уполномоченными.

Скажем, приехал областной театр в обкомовский колхоз на гастроли. Зрительный зал полов, а завес не открывается. В театре ЧП, исчез актер на роль героя-любовника. Помреж, рабочие сцены бегают по селу, ищут пропавшего. А в это время в дверь артистической стучатся школьники:

— Дядя и тетя, откройте! Дядя и тетя снимают с двери крючок:

— Вам что?

— Сходите, посмотрите, это не ваш ли артист лежит около забегаловки, ругается.

Дядя и тетя бегут к забегаловке и видят пропавшего. Артисту на роль героя-любовника трут уши. Лютят на голову ведра воды, не могут привести в сознание. Как быть? Что делать? Помреж, поманив пальцем артиста на роль второго героя, шепчет ему на ухо:

— Будь другом, вырuchi. Подмени сегодня Олега.

В истории областного театра кукол был и такой мало-красивый период, когда к миллионским протоколам присоединялись и акты директоров домов культуры примерно такого содержания: «Сего числа ввиду невзвания лык артистов-кукловодов, выступающих в ролях: дьяв, слова и словенка, заплякированных к представлению спектакль был отменен и дети, к их огорчению, распущены по домам».

Несколько таких актов в миллионских протоколах дошло до руководителей Управления культуры Мособлсплкома. Руководители схватились за голову:

— Господи, какой срам! Управление издало приказ, бичующий нездоровые нравы, царящие в театре, сняло старого мягкотелого директора и назначило нового с твердой рукой и громким голосом. В театре было создано собрание, избран новый состав месткома. Новый директор Яков Лазаревич Кроп и новые члены месткома решительно принялись за наведение порядка в театре. Загоревелые пьяницы были уволены, молодые начинающие выпивохи получили строгие выговоры.

Я не против приказов с крупными формулировками. Но одними приказами творческой

обстановки в театре не создашь. К басу и твердой руке нового директора в театре явно не хватало голоса авторитетного худрука и воспитателя.

Кукловоды не раз говорили об этом работникам отдела искусств. И работянки, наконец, ответили кукловодам:

— Мы оформляем в театр на роль худрука человека.

— Какого?

— Молодого, востойчивого, перспективного.

Молодой, востойчивый оказался, как видно, не очень перспективным, так как назначен он был не худруком, а только врио главрежем. А чтобы молодой, востойчивый не обижался, ему сказали: — Засучите рукава, поставьте два-три спектакля на пятерку, и мы вычеркнем из приказа обидное слово «врио» и сделаем вас настоящим главрежем.

Владимир Николаевич Лапукин засучил рукава и, не теряя времени, начал ставить первый спектакль. Первый блин, к сожалению, получился комом. Приемная комиссия поставила главрежу не пять, а единичку и не разрешила спектакль к публичному показу. Владимир Николаевич засучил рукава второй раз. Второй спектакль получился удачнее: не на единичку, а на тройку.

После второго спектакля Владимир Николаевичу нужно было браться за постановку третьего, а он вместо этого засучив рукава принялся за чистописание. Врио главрежа решил попытаться счастья на поприще врио Шекспира. Шекспир писал сначала пьесу, а потом уже думал о ее музыкальном оформлении и декорациях.

Врио Шекспира областного кукольного театра поступил наоборот. В будущей пьесе была написана только первая страница, а именно: список действующих лиц, а Владимир Николаевич поспешил заказать музыку и декорации. Композитор не помог драматургу. Пьесу забраковали.

Потерев фиаско на стезе сочинительства, врио главрежа решил попытаться счастья, выступив в театре в новом амплуа, врио Дон Жуана.

По свидетельству Пушкина, настоящий Дон Жуан говорил с донной Аной языком серенад. А врио Дон Жуана разговаривал с покорившей его женщиной только в ультимативной форме:

— Или-или!

И если слышалось в ответ «нет», строптивая донна Анна не получала в следующем спектакле заглавной роли и вынуждена была изображать за кулисами «шум за сценой». В первом действии квакать лягушкой, во втором лаять собакой.

Со дня назначения в МОТК (Московский областной театр кукол) нового директора и нового режиссера прошло свыше двух лет. Я иду сначала к директору Якову Лазаревичу Кропу, потом к Владимиру Николаевичу Лапукину и порознь задаю один в тот же вопрос: изменилась ли за прошедшее время работа в театре к лучшему?

И оба руководителя, хотя и порознь сказали одно и то же: «В деятельности театра стало прорезываться свое собственное лицо».

После беседы с руководителями театра я задал тот же вопрос рядовым актерам. И выяснилось. Свое самобытное лицо у МОТК еще не прорезывается, а если говорить откровеннее, то никакого театра в том высоком понимании, которое мы придаем слову театр, под вывеской МОТК нет. А что есть? Есть два старых автобуса, которые определяют художественные возможности театра.

В МОТК 18 штатных актеров. Восемь человек приписаны к автобусу № 1, восемь — к автобусу № 2. Работают эти автобусы примерно так же, как автобусы с передвижными кинопроекторами. У них один план, одна задача. Провернуть как можно больше сеансов. Задача одна, а результаты разные. Посетителей передвижных киносеансов оказываются в значительно лучшем положении, чем посетителя передвижных спектаклей. Это можно проиллюстрировать на таком примере. Роль Анны Карениной в фильме того же названия исполняет артистка Самойлова, Вронского — Лановой, Каренина — Гриценко. И где бы фильм ни демонстрировался — в московском кинотеатре «Россия» или в избе-читальне, все в фильме будет так, как было на премьере. В спектакле МОТК по-другому. Артист, игравший на премьере одну роль Вронского, может на колхозной сцене выступить не в одной роли, а одновременно в двух — Вронского и Каренина. Случай как будто беспре-

цедентный. Муж и возлюбленный в одном лице. К сожалению, скоропалительные, беспрецедентные замены в кукольном театре довольно часты. Скажем, артист простудился, потерял голос, а заменил ему нег. Что делать помрежу?

В гастрольных поездках МОТК нет не только дублеров, но и представителей администрации. Два автобуса дают сотни спектаклей на свой страх и риск, а директор и врио главрежа в это время находятся в Москве. Директор не бывает в поездках, потому что он руководит театром кукол по совместительству. Основное место его работы в областном ТЮЗе. Врио главрежа в ТЮЗе не работает. В дни поездок автобусов на гастроли он вместе с директором принимается составлять план поездок на следующие полугодие. Больших творческих задач в этом плане руководители театра не ставят. У них одна задача — прокрутить в следующие полгода больше спектаклей, чем было прокручено в предыдущее. Прокрутят автобусы сорок спектаклей в месяц — хорошо. Пятьдесят — отлично. При шестидесяти спектаклях в месяц в театре «объявляется праздник». Издается приказ, в котором объявляется «спасибо» всем сотрудникам. Спасибо. А за что? Из шестидесяти прокрученных спектаклей, дай боже, чтобы треть прошла в том составе актеров, который играл на премьере. Во всех остальных были замены: сделанные на скорую руку, заранее не прорепетированные. Да и когда репетировать. Утром спектакль, днем — второй.

Московский областной кукольный театр стал театром второго сорта случайно. Он может и должен снова выйти в ряды лучших. Для этого требуется не так уж много. Нужно только, чтобы работники управления культуры уделяли театру чуть больше внимания, чем делалось до сих пор. И еще нужно, чтобы в МОТК был не совместитель, а свой, собственный директор, и, конечно же, этот театр достоин иметь не врио главрежа (который, кстати, решил предупредить события, подав заявление об уходе), а полноценного, настоящего художественного руководителя.

Сем. НАРИНЬЯНИ.